

ЕВГЕНИЙ
ГРИШКОВЕЦ

ЕВГЕНИЙ
ГРИШКОВЕЦ

ДВЕ ПОВЕСТИ

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)—44
Г85

Оформление обложки
Серж Савостьянов

Гришковец Е.В.
Г85 Две повести. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-389-16389-8

«Реки» — первая повесть Евгения Гришковца. Как и всё, что делает Гришковец, «Реки» — произведение пронзительное и очень тёплое. Для тех, кто находит причины жить там, где родился, и для тех, кто нашёл причины, чтобы уехать. О сложном чувстве Родины, о системах координат во времени и пространстве, вызывающих у нас улыбку или же заставляющих плакать.

«А.....а» — об Америке, в которой есть небоскрёбы, Голливуд, Белый дом и есть одинокие ковбои, Том Соьер, девочка Элли, Элвис и Мэрилин. У нас есть очень много мифов и представлений, которые никак не укладываются в просто государство с часовыми поясами, квадратными километрами, политическим и экономическим устройством. В этой повести попытка собрать воедино наши мифы и представления об Америке.

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)—44

ISBN 978-5-389-16389-8

© Евгений Гришковец, 2019
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019
КоЛибри®

Реки

Повесть

Необходимо сказать несколько слов об авторе. Автор не сообщил своего имени, фамилии и не указал, откуда именно он родом и где живёт теперь. Неизвестно, чем он занимается, кто он по своему образованию и какова его профессия. О том, сколько ему лет, тоже можно только догадываться. Известно только, что автор был намерен написать весьма объёмное произведение, а представил совсем небольшую повесть. Он попросил сообщить, что сам удивился тому, что объём произведения оказался таким небольшим. В связи с этим он сказал: «Так, наверное, даже и лучше». Никак не могу прокомментировать эти слова.

Я только однажды видел медведя не в зоопарке. Только один раз в жизни. Хотя я родился и первые свои тридцать с небольшим лет прожил в Сибири. В Сибири, где когда-то родился и умер мой прадед, где родился и умер мой дед, где родился мой отец. А я уехал из Сибири. Уехал далеко и, наверное, без сожаления.

Я родился и вырос в городе, который не могу ощущать ни как большой, ни как маленький. Я не могу понять его размеров. Когда-то он казался мне непостижимо большим, а когда я бежал из него, он был удушливо тесен. А теперь, когда я приезжаю, ре..е..дко — редко, приезжаю в мой родной город, я уже не понимаю, какой он. Он большой или маленький для тех, кто живёт в нём. А я-то уехал. Уехал и теперь уже не пойму. Никогда.

Не пойму потому, что не знаю какого-то понятийного механизма, а самое главное — не знаю, что, собственно, мне нужно понять. Что?!

Отчего, когда я где-то далеко-далеко от города, где я родился и вырос, и даже далеко от Родины, захожу в какую-нибудь, я не знаю... Представляете, жара, самый конец

июля. Юг. И даже не наш юг, а вообще Юг. В сухой траве стрекочут кузнечики, и всё звенит от неподвижной жары. В небе ни облачка, горизонт совсем белый и знойный, а вы при этом осматриваете какую-то достопримечательность, какую-то важную для всех руину. Гид подробно описывает историческую значимость того места, где вы находитесь, а кто-то из группы таких же, как вы, любознательных людей, одетых в светлые шорты, задаёт какие-то уточняющие вопросы, чтобы показать свою осведомлённость. У вас уже белеет в глазах, но вдруг гид увлекает вас и всех остальных дальше, и вы входите в какой-то грот или гробницу, и на вас падает тёмная прохлада, кажущаяся даже какой-то влажной, но влажной не в плохом, а в спасительно-нежном смысле...

Почему в этот момент вспоминается то, как я, запыхавшийся и разгорячённый игрой, забежал с летнего, знойного и пыльного двора в подъезд моего дома?.. Моего дома... там, в том городе, откуда я уехал. И мне уже не важно, что говорит гид, и не важно, что я где-то в таком месте, про которое читали все ещё в школьных учебниках истории. Прохлада, и всё...

Прохлада такая же, как в старой, ещё сталинской постройки библиотеке или кассовом зале кинотеатра, куда я забежал с друзьями, выскочив из раскалённого автобуса. Мы бежали через жаркую площадь перед кинотеатром и врывались в прохладный кассовый зал...

Почему вспоминается кинотеатр? Типовой кинотеатр, которых так много, которые есть в каждом областном или даже в районном центре. Я даже не понимаю, красивый этот кинотеатр или нет, то есть для меня непостижимы архитектурные достоинства этого кинотеатра. Но радость, которую доставлял мне когда-то сам вид этого здания... Мне нравилось даже просто проезжать мимо него на автобусе, рассматривать афиши, слушать, как водитель объявляет остановку: «Следующая остановка — кинотеатр (такой-то)».

Мой город — не старый город. Он и не может быть старым. Он же сибирский город. К тому же мой город моложе других сибирских городов. Но странно, он всегда был наполнен для меня достаточной, а на самом деле гораздо более чем достаточной, исторической глубиной. В нём была история. История, не состоящая из фактов и следов, оставленных этими фактами, а живая, по-настоящему интересная мне лично история.

Мой дед рассказывал мне... До сих пор не пойму и не пойму никогда, зачем он это делал... Зачем он рассказывал мне одиннадцати-, двенадцати-, ну максимум тринадцатилетнему человеку... Вообще что-то рассказывал. Когда я смотрю на двенадцати-тринадцатилетних людей, у меня не возникает желания рассказать что-то, подобное тому, что мне рассказывал мой дед. А он рассказывал...

Мой дед родился в нашем городе. Он всегда был городским человеком. И это не важно, каким был город тогда, когда родился мой дед. Большим был или маленьким, этот город, для моего деда, я не знаю. Но он в нём родился и умер. Он был образованным человеком, он закончил университет. Мой дед воевал, и вообще он не сидел всю жизнь на одном месте. Но он родился и умер в нашем городе. И, кажется, он был доволен. Хотя что я могу про это знать? Я просто помню, что мой дед никогда мне ничего плохого про город не говорил.

Он говорил, что, когда ему было столько же лет, сколько мне, то есть двенадцать-тринадцать, у него было две пары ботинок. Хорошие ботинки и плохие. Но всё лето, с мая по середину сентября, то есть до самых холодов, он бегал босиком. Дед любил подчеркнуть, что при этом никогда

не болел, а любую царапину замазывал глиной и бежал дальше. Он рассказывал, что там, где сейчас новый вокзал, была роща и там они (мой дед и все остальные) находили всё, что им было нужно. Ели пучку, копали саранку, собирали ягоду, зорили птичьи гнёзда и пекли потом яйца на костре. И ещё дед говорил, что по берегам нашей реки росла масса дикого чеснока...

В любом городе, который стоит на реке, есть правый и левый берег. Я родился и вырос... не на том берегу, на котором родился и вырос мой дед. Старая часть города была всегда от меня отделена рекой, туда, где всё происходило с моим дедом когда-то... давно, туда вёл мост. Мост высокий и длинный, мост над тёмной широкой и быстрой рекой. В моём городе тёмная и быстрая река. Большая сибирская река.

Когда мы с дедом были в рыболовном магазине, он, которого я никогда не видел с удочкой и даже не мог себе представить в какой-нибудь рыбацкой ситуации, рассматривая лески и прочие снасти, со вздохом говорил, что, если бы у него тогда были такие же, он бы точно мог бы прокормить рыбой всю семью, и не только.

Он рассказывал мне тогда, а я запомнил, что они мальчишками бегали на рынок и дёргали у коней из хвостов конский волос для удочек. Он говорил, что если кто-то приводил белую лошадь, то хозяину такой редкой лошади нужно было от неё не отходить, а то животное могло вернуться в деревню вовсе без хвоста. Белый конский волос очень ценился. Белый волос вязали в самом конце снасти, к нему, собственно, и привязывали крючок. Дед даже показывал, как они делали леску из конского волоса. Он объяснял, что не просто привязывали один волос за другим, а как-то ещё крутили эти узлы, а потом катали эту леску ладонью по ноге. Дед при этом делал движения, похожие на те, что делают на Кубе, показывая туристам,

как скручивали сигары в незапамятные времена кубинские женщины.

Дед говорил, что хозяева лошадей больно и метко хлестали мальчишек кнутами, если успевали. Это происходило когда-то в моём городе. Но в этом же городе когда-то стояли жёлтые бочки на колёсах с надписью «Молоко», и я маленький бегал с битоном купить молока (в нашем городе все говорили «битон» вместо «бидон»). Где-то теперь эти бочки...

А много рыбы в нашей реке при мне уже не было. И рыбалка была ещё та. Но дед говорил, что, если бы у него была леска! Потому что конский волос крупную рыбу не выдерживал и легко рвался. Тогда рыба уходила вместе с крючком. А крючки были очень ценны. Их можно было купить только в Торгсине.

А Торгсин был такой магазин, где можно было купить что угодно. В нём было всё, что надо! В те скудные и трудные времена в нём можно было купить даже теннисный мячик... Дед говорил о теннисном мяче с каким-то особенным чувством. Видимо, ему сильно хотелось иметь маленький, упругий и очень приятный на ощупь мяч, хотя я не припомню, чтобы он говорил о теннисных ракетках и о том, что он играл или хотя бы видел, как играют в теннис. Какой к чёрту теннис в моём городе в те времена, да и сейчас тоже... Но купить что-либо в Торгсине можно было только на серебро или золото. В Торгсин несли золотые или серебряные монеты ещё царской чеканки. Дед говорил, что на серебряный рубль можно было купить..... ну массу необходимых вещей. Пацаны где-то раздобывали эти монеты и покупали блестящие рыболовные крючки, немецкую свинцовую охотничью дробь и картечь для грузил, итальянские медные иглы для патефона в красивых корбочках. Патефонов ни у кого из дедовых друзей не было, но иглы покупали потому, что они стоили копейки, а вещь

красивая. Покупали американские стальные перья, чтобы писать. Иногда брали на небольшую компанию дорогие папиросы. Дед говорил, что самыми лучшими были папиросы «Сафо» и «Пушка». На пачке «Пушки» была изображена пушка, а как выглядела пачка «Сафо», я не знаю, и правильно ли я расслышал и запомнил название этих папирос, сейчас уже выяснить невозможно. Может быть, название их было «Сапфо». Но мне с трудом верится, чтобы в моём родном городе были отголоски ещё и античной истории.

Но главное-то что? Главное, что в моём городе когда-то, во-первых, можно было купить что угодно, а во-вторых, можно было заплатить золотом-серебром... как платили пираты... Вот факт, который связывал меня с историей. Мой дед делал это, и, значит, это была не отдельная от меня, не чужая история. У меня до сих пор где-то лежит серебряный царский рубль. Откуда он взялся, я не помню, но в детстве я любил рассматривать его. И по сей день я хотел бы оказаться с этой монетой в том самом дедовом Торгсине на другом берегу реки.

Я не знаю никакой сибирской экзотики, я не пережил её. Книги «Угрюм-река» или «Последний из Удэге» для меня так же полны тайны и так же далеки от меня, как «Кавказский пленник» или «Фрегат “Паллада”». Я вырос в городе. Я не знаю тайги, мне она неведома. Я пролетал над тайгой на самолёте, когда летел в Москву. Или из Москвы домой. Я ничего не видел, я просто знал, что там, подо мной, тайга. А что это — Тайга?! Я только однажды, совсем неглубоко и совсем ненадолго вошёл в таёжный массив, был искусан комарами, что-то унюхал, что-то увидел, ничего не понял и... вернулся в город. А что я мог

там понять? И что я там должен был понять? Это всё равно, что попытаться полюбить море, зайдя в него по щиколотку, да к тому же когда вода холодная. Но море всё-таки полюбить легче, чем тайгу... А тайга?..

Когда я побывал в тайге, погода была... скорее плохая. Конец августа, прохладный или даже сырой день был серым и ветреным, но не беспросветным. Иногда солнышко задевало нас, но не мощно, не всем диском, скорее краешком, подмигивало из-за толстых объёмных облаков. Дождя не было, дождь шёл ночью и весь предыдущий день. Мы вошли в тайгу утром и оглушили сами себя хрустом и шелестом травы, кустарника и папоротника, сквозь который стали продираться. Тайга приглушила утренний свет, и загудели комары...

Отец договорился с какими-то своими знакомыми, и меня взяли на охоту. Мне было года двадцать три — двадцать четыре, точно не помню. Отчего-то мне хватило ума не изображать, что я опытный и умелый. Нет, я не скрывал, что ничего не смыслю в лесных делах. Мужики были мне рады. Их было трое. Все вдвое старше меня. Один был местный охотовед Серёга, а остальные, не помню их имён, тоже местные, но давно уже живущие в городе. Кто-то из них как раз и был знакомым отца. Все были мне рады, потому что мне можно было рассказывать таёжные байки, можно было меня удивлять, разыгрывать, пугать и ещё можно было обо мне заботиться, то есть тридцать три удовольствия. Мужики запрещали мне называть их на «вы», но я чувствовал, что им приятно, что я их так называю, и ещё им было приятно мне запрещать обращаться к ним на «вы». Так что я продолжал это делать.

Сейчас я думаю, что та охота не была настоящей охотой. Просто три мужика захотели повстречаться, потому что давно не виделись, поговорить, выпить, побродить по тайге, пострелять из ружей.

Мы приехали из города в деревню на машине. Приехали в деревню совсем поздно вечером, переночевали в доме охотоведа Сергея. Я спал плохо. Я не люблю деревню и деревенские условия. В доме сильно пахло, не знаю как сказать, деревенским домом, в котором живут и совсем старые, и совсем юные люди вместе и ещё много кошек. В таком доме постоянно готовят еду и пахнет этой и ещё вчерашней едой.

Я не понимаю и не знаю, как жить в деревне. Мне кажется жизнь в деревне невыносимо трудной, а главное, неоправданно трудной. Те закаты и восходы, тот туман, белый-белый, который лежит на реке, обещая знойный день, жужжание моторной лодки из этого тумана, удочка в руке, а за спиной мычит, позвякивает чем-то, кукарекает деревня... Всё это радость только для заехавшего на выходные горожанина, который любит запах деревенского дома, парное молоко, ковыряние на грядках, разговоры о скотине и саму эту скотину, а также кур и прочую живую мелочь. Любит тесную баньку и умывание из рукомойника и т.д. и т.д. Я всего этого не люблю и никогда не любил.

Когда мы ехали из города, я, сидя на заднем сиденье старого отечественного внедорожника, вдоволь наклацался зубами и натрясся по кочкам. А ещё я наслушался таёжных разговоров про то, как в прошлом году было уж очень много барсуков и пришлось нескольких подстрелить, барсучьего жира зато им хватило на всю зиму.

— А для чего нужен барсучий жир? — поинтересовался я.

— Ты что, не сибиряк, что ли? — спросил тот, что был за рулём.

— Да нет! Просто молодой ещё, — ответил за меня дружкой, — прихватит — узнает, зачем барсуку жир.

Они оба посмеялись и продолжили разговоры про медведей, косуль, таёжные, дальние озёра с сомами и другими

неведомыми большими рыбами. Слух и сердце мне приятно обжигали слова: «заимка», «пасека», «зимовье», «старый прииск».

— Если силы будут, дойдём завтра до прииска, — сказал водитель.

— Какого прииска?! Золотого, что ли? — совершенно изумился я.

— А какого ещё? Конечно, золотого.

— И сейчас добывают?

— Не-е. При Екатерине добывали золото. Потом какое-то время кто-то сам пытался ковыряться, а теперь там тишина.

— Интересно! — выдохнул я.

— Да-а-а, ничё интересного. Так, жутковато маленько, и все...

Мы приехали в деревню, поужинали, выпили немного самогонки, от которой все волосы на моём теле встали дыбом, мужики, правда, её хвалили, легли спать (я почти не спал из-за запахов, храпа и вообще...), а утром взяли ружья, еду, сели вчетвером в машину, выехали за деревню, проехали мимо каких-то свинарников, ржавого трактора, пересекли поле и остановились у леса. Это и была тайга.

Меня сильно удивило то, что комары всё-таки боялись той белой жидкой мази, которой мы намазались, прежде чем шагнуть в лес. Они кружились и звенели перед лицом, садились на одежду, но не кусали.

Мы шли и шли, долго, быстро и молча. Мне никто ничего не объяснял. Я довольно скоро приноровился к ходьбе по этому лесу, реже утыкался лицом в паутину и даже перестал наступать на особо звонкие сучья. Глаза устали от мелькания веток, от просветов и затемнений. Я просто шёл. Когда впереди прозвучал выстрел, я даже не испугался. И выстрел был не громкий, и стреляли не очень близко.

Мы побежали вперёд. Оказалось, Сергей подстрелил тетерева. Он держал среднего размера птицу в поднятой руке, а та была истерзана вдрызг.

— Вот ведь!.. Картечью жажнул! — смеялся Сергей. — Ещё когда заряжал, сам себе повторял: «Серёга, запомни, картечь в левом, дробь в правом». Ну вот как раз наоборот и жажнул. Но ничё, сжуём.

Он подмигнул мне, и мы зашагали дальше.

Ничего больше тогда не произошло. Мы не видели ни одного животного, ни одного таёжного озера, никаких брошенных приисков. Лес, бурелом, тропинка, которая то была, то её не было, и всё... При Сергее мужики не трепались, а сам Сергей в основном молчал.

Когда к полудню мы пришли к маленькому бревенчатому домику, я уже понимал, что никаких медведей и барсуков вовсе не бывает. А если и есть в тайге озёра, то там водятся известные мне пескари, ерши и в лучшем случае карасики, да и то не кишмя кишат.

Возле бревенчатого домика был чистый родник. Мы напились, встав на колени, прямо из земляной воронки, которая наполнилась холодной водой, а на дне её танцевали песчинки и маленький белый камешек. На двери дома не было замка, мы вошли, в доме было темно: он был без окон. В нём стояла сырость, пахло плесенью и погребом.

— Серёга, а чё ты дверь-то не оставишь открытой? — спросил один из мужиков. — Пусть просохнет.

— Ага, — сказал Сергей, зажигая керосиновую лампу, — медведь придёт и так тебе тут всё просушит! — Он перехватил мой ироничный взгляд. — Да-да, медведь! И вот это не поможет.

Он показал пальцем на какие-то тёмные (не знаю, как сказать) мешочки (что ли) размером с куриное яйцо, только совершенно неправильной формы, которые висели над входной дверью.

— А что это? — спросил я.

— Жёлчные пузыри, — ответил тот мужик, что водил машину, — медвежьи.

— А зачем?

— Полезно, — сказал другой.

— Да так, вешаем, чтобы медведи боялись, — сказал Сергей, — а они не боятся. Вот смотри.

И он показал мне на следы огромных когтей. Домик был весь исцарапан, некоторые следы были очень глубокие и находились высоко, я с трудом дотянулся до них рукой.

— Они и сейчас за нами смотрят, — подмигнул мне Сергей.

Мужики затопили маленькую печку, чего-то копошились в домике, готовили еду. Они сварили несчастного теререва, получился невкусный бульон и невкусная птица вся с перебитыми костями. Мне попала на зуб свинцовая картечина. Было больно, аппетит пропал окончательно. Потом мы выпили водки, потом стреляли по консервным банкам из карабина. Я попал пару раз. Меня хвалили, мне было приятно. Что-то ещё делали, потом спали. К утру замёрзли, проснулись, дождались рассвета и вернулись в деревню. Это всё, что я видел. На обратном пути комары жрали нещадно.

Я потерял мазь, мною были недовольны.

Но я помню, как перед самым уходом из лесного домика, когда мужики готовились к обратному пути, я отошёл за дом пописать. Я прошёл мимо родника и прошагал метров восемь вдоль ручейка, который истекал из земляной воронки. Он струился, образуя небольшие заводи, а точнее, лужи. Я шёл, и вдруг в одной из луж я увидел отчётливый след. Я наклонился к воде и разглядел большой след, оставленный крупным животным. Это был след, какой в кино оставляли медведи. От этого следа вверх, колыхаясь, поднималась илистая мутная взвесь. Эта взвесь замутичала чистую

воду. А потом я видел, как муть стала опускаться. Писать расхотелось совершенно. На обратном пути мною были недовольны, комары кусали, я помалкивал. Ничего больше я не увидел.

Медведя не в зоопарке я повстречал позже... Потом.

Не помню, чтобы дед рассказывал мне что-нибудь про тайгу. Он рассказывал про город. Рассказывал про американцев, которые когда-то приехали в наш город и привезли первый колёсный трактор. Дед это помнил, хотя тогда ему было лет семь. Он рассказывал, что американцы построили котельную и общественную баню. И ещё дед сказал, что американцы были смешные, наивные и носили красивые клетчатые рубахи и светлые брюки. Не знаю, может быть, дед их никогда не видел, этих американцев. Именно так выглядели и именно в такие рубашки были одеты американцы в наших старых фильмах.

Но вот центральную, самую лучшую и удобную часть нашего города точно построили военнопленные немцы. Об этом знают в городе все.

— Немцы строили, — с благоговением, почтением и даже любовью говорила какая-нибудь тётка про свой дом, — живу не нарадуюсь.

— Конечно! Немцы хорошо строили, — не без пафоса говорил какой-нибудь толстый мужик. И по нему было видно, что сам он ничего не построил, а если бы построил, то получилось бы у него точно хуже, чем у немцев. Обязательно хуже! Сколько же они построили, эти немцы. В каждом сибирском городе вам обязательно с удовольствием покажут трёх-четырёхэтажные дома с необычно большими окнами и скажут про пленных немцев. Вот так прошли они

по Сибири... Немцы были в моём городе! Вот так его коснулась война.

Я не однажды слышал, что мост через нашу реку построили пленные японцы. Но как-то не верится. Во-первых, мост ничем не примечателен, единственно, довольно большой. А во-вторых... японцы, в моём городе... строят мост?.. Это как-то слишком. Не верится.

А вот фонтан построили точно наши. Поэтому, наверное, он так редко работал. Но даже неработающий фонтан доставлял мне много радости. Когда город был для меня бесконечно велик, фонтан сильно впечатлял меня даже без бьющих струй. Наш фонтан украшает центральную площадь. Он просто круглый, гранитный, в виде чаши. Ничего особенного! Но фонтан-то находится в центре города, а я никогда не жил в центре моего города. Так что поездки в центр были связаны всегда с ожиданием наслаждений. Ну, во-первых, такая поездка могла произойти и имела смысл только летом, в хорошую погоду, что само по себе прекрасно и редко...

Поездка в центр — это весёлые и нарядные родители, покупка мне... чего-нибудь... Возможно, кафе-мороженое, если оно, конечно, открыто, в нём есть места, у меня не болит горло или ряд других постоянных обстоятельств. Ещё в центре был горсад с каруселями, сладкой ватой и возможностью «взять напрокат» маленький, стальной, весь избытый педальный автомобильчик, на котором я катался по аллеям, смеялся от радости и, мне казалось, фантастически технично рулил. (Мне долго было непонятно, как можно было взять напрокат холодильник или телевизор. Если напрокат, значит — кататься. А как кататься?) Ещё можно было бегать по набережной, смотреть вниз на реку, мост,

трубы заводов и на другой берег... Но начинался и заканчивался центр всегда фонтаном. Мы выходили из автобуса в центре у фонтана, а потом ждали автобус, чтобы уехать из центра... у фонтана.

Мы долго ехали, ехали, ехали. Я считал остановки. И вот автобус поворачивал, и фонтан становился виден... Но, как обычно, без струй...

Когда в фонтане совсем не было воды и на сухом дне валялись листья, газета и какая-нибудь сломанная детская игрушка, по дну можно было бегать с разрешения папы. Бегать и всё время бояться, что мощные струи вырвутся из всех стальных кранов... и что тогда? Я бегал и визжал. Когда фонтан забивался, засорялся и в нём стояла мутная вода, возле него можно было стоять и просто вглядываться в мутную воду, пытаюсь разглядеть там жука-плавунца. Или можно было накручивать круги вокруг фонтана, пытаюсь поймать водомерку, которую так хотелось хоть раз поймать.

А когда фонтан работал!.. От него невозможно было уйти. Папа помогал мне подставлять ладошку под струю и удерживать руку... Струя приятно резала ладонь, брызги летели на волосы и одежду. Мы смеялись с папой. А ещё в струях фонтана иногда застревал кусочек радуги...

Никакой фонтан или водопад уже не обрадует меня сильнее. Никаким струям я не смогу быть столь благодарен. Фонтан в городе был один. Тогда я не знал, что в городах может быть по несколько фонтанов.

Петергоф и фонтаны Петергофа, конечно, поразили меня. Когда я увидел их, мне было девять лет. У меня даже осталась фотография на фоне фонтана «Самсон, разрывающий льву пасть». Но те фонтаны меня

не обрадовали. Их было очень много, необходимо было все их осмотреть, родители тащили меня от одного к другому. Конечно, я быстро устал и стал ныть, кукситься, потом получил пару горячих шлепков и какое-то время таскался за родителями молча.

Какая же это была мука, ходить с родителями по музеям! Мне не интересны были картины или скульптуры. Что-то любопытное присутствовало в античных сюжетах, но люди, в смысле античные герои, высеченные из мрамора или изображённые на полотнах, всегда были какие-то вялые. И даже если они были с мечами и в доспехах, всё равно, что-то сонное и скучное было в их позах. А обнажённые женщины были какие-то... даже не могу точно сказать... неинтересные, и всё.

А у нас в городе музей был только один: краеведческий. Он был маленький и не обязательный. Перед входом в музей стоят две старинные пушки. С какой стати возле нашего музея поставили пушки, непонятно. Наш город совсем молодой. Те пушки сделали точно лет за сто до того, как появился наш город. Но они стоят перед музеем, периодически заполняются мусором, потом их чистят, и так много лет.

В музее можно увидеть чучела животных, которые водятся в наших краях, то есть в тайге. Чучела медведя, барсучка, лося, волка и т.д. В отдельном зале лежат кости мамонта и каких-то других чуд, которые когда-то водились в наших краях. Там же есть каменные и костяные наконечники копий и стрел. Их сделали те люди, которые когда-то жили по берегам нашей реки. Эти люди охотились на мамонтов и ловили рыбу в реке. Судя по тому, какие гарпуны есть в нашем музее, рыбы в реке водились большие. Мне же в лучшие дни удавалось поймать два десятка пескарей. Зато когда пескарика выдёргиваешь из воды и он бьётся на леске, растопырив все свои плавники, плавники, которые подсве-

чены утренним чистым солнышком, в этот момент пескарь кажется таким большим и красивым! Какой же он потом маленький и скучный, когда зажарен на сковородке вместе с другой речной мелочью.

В музее на стене висели изображения рыб, которые водятся в местных водоёмах. Каких только там нет рыб! И налимы, и таймень, и хариус... Конечно!

Как же ловко древние люди делали свои наконечники. Я пытался сделать такие же. Причём использовал молоток и зубило. Ничего не получилось, совершенно. Как они это делали? А вот рисовали они не очень. Даже совсем плохо они рисовали.

Если спуститься ниже нашего города по реке километров на пятьдесят, то можно увидеть довольно грозные скалы. Левый берег реки там пасторально холмистый, с берёзками, а правый — скалистый и жуткий, с соснами на вершинах скал. На этих скалах есть древние рисунки. Их там много, учёные подробно их изучили, эти скалы стали теперь заповедником, и десятка два людей, кто безбедно живёт, а кто просто кормится за счёт древних художников, которые зачем-то давно нарисовали корявых лосей с большими рогами и так же коряво изобразили себя с копьями в руках. А рисунки-то некрасивые, ну хоть убейте меня, некрасивые.

Когда я смотрел на эти рисунки, я пытался представить, как могли эти люди жить здесь. Как они не замёрзли. То, что раньше в наших краях был другой климат, было тепло, а потом пришёл ледник и стало так, как есть, меня совершенно не убеждало. А как же наша зима? Зима-то как? Такая зима, как наша, не может то быть, то не быть...

Вот, в пятидесяти километрах от нашего города, значит, когда-то рисовали на скалах какие-то люди. Я знаю про это, но я не знаю, как и когда умер мой прадед, где он похоронен. Дед не говорил мне об этом, я не интересовался. Мне

было это неинтересно. Тогда. А теперь спросить не у кого. Знаю только, что прадед был инженером, умер он, когда моему деду было совсем мало лет. Знаю ещё несколько не очень важных и не вполне достоверных подробностей. А когда и где похоронен и сохранилась ли могила, не знаю. Ужас, правда?!

Зато я участвовал в раскопках древних могильников. Недалеко от нашего города есть и такие. Студенты-историки, мои друзья, ездили в археологические экспедиции, много об этом говорили, всю зиму ждали лета, чтобы снова ехать копать. В их рассказах было столько романтики, и я был студентом, мне тоже хотелось приключений, к тому же я уже посмотрел пару фильмов про Индиану Джонса.

Ребята взяли меня с собой в экспедицию, я тогда закончил второй курс... Продержался я три дня и сбежал. Просто выяснилось, что я не очень люблю умыться из озера и тут же мазаться мазью от комаров (это утром), днём копать, с удовольствием обедать, а потом снова копать. Вечером сидеть у костра и спать в палатке было приятно, но, видимо, археологи все играют на гитарах и поют, к тому же у них много своих археологических юмористических песен. Я понял, что мне не нравятся поющие у костра археологи. Но больше всего мне не понравились деревенские ребята на плохих мотоциклах, которые приезжали из ближайших деревень на свет костров и звуки песен. Их влекли к себе студентки, приехавшие из города. Мне не нравились эти ребята, их мотоциклы, их действия и их разговоры. А особенно мне не нравились последствия их действий и разговоров. В общем, я сбежал из экспедиции. Сел в автобус, и через два часа я был в городе.

Содержание

Реки	5
А.....а	127

Литературно-художественное издание

Евгений Гришковец

ДВЕ ПОВЕСТИ

Редактор Алла Мотина
Технический редактор Лидия Синицына
Корректор Татьяна Филиппова
Компьютерная верстка Ирина Лысова

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Подписано в печать 14.05.2019. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Original Garamond BT».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0.
Тираж 3000 экз. В-ВЕР-24831-01-Р. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru